

В. М. Розин

Типы и структура «нормальных» научных работ

Полемизируя с Карлом Поппером, Томас Кун пишет, что «ни наука, ни развитие знания, скорее всего, не будут поняты, если рассматривать научное исследование исключительно сквозь призму революций, которые случаются время от времени». «Будучи занят нормальной исследовательской проблемой, ученый должен *предполагать* действующую теорию, задающую правила игры. Его задача состоит в том, чтобы разрешить головоломку, желательную такую, при решении которой потерпели неудачу другие, а действующая теория требуется, чтобы определить эту головоломку и гарантировать, что при достаточной изощренности ума она может быть разрешена»¹.

Продумывая аргументы Куна, можно прийти к выводу, что не только решения головоломок, но и научные революции можно рассмотреть как нормальные виды научных работ (исследований). Вообще видов нормальной научной работы, на мой взгляд, значительно больше, чем это кажется из чтения работ Куна и Поппера. Чтобы в этом убедиться, я дальше привожу результаты своего анализа нормальных видов научных работ.

Результатом научной работы в настоящее время выступает не только новое теоретическое знание или теоретическое объяснение (описание) определенного явления, но все чаще построение новой концепции (теории), различного рода прикладные исследования («монодисциплинарные» и «комплексные»), методологические исследования и разработки (критика, рефлексия, программирование, проектирование и т.д.), конституирование (в аспекте интеллектуального, знаниевого обеспечения) новых практик, научная рефлексия сложившихся практик, направленная, например, на их совершенство

вание и другие работы. Нельзя не учитывать и еще одно обстоятельство. Научная работа помимо содержательной стороны дела предполагает организацию и возможность оценки, что невозможно без специальной «упаковки» научной работы (демонстрация рассуждений, полученных результатов, обоснование и прочие моменты). Описание основных видов нормальной научной работы я предварю характеристикой идеалов и дискурсов науки (в качестве материала для иллюстраций будут взяты психология и педагогика).

Основные идеалы и дискурсы науки. Современные исследования показывают, что, хотя в свое время естественные науки были взяты за образец и идеал научности (не только в самой науке, но и в философии), сегодня естественнонаучный идеал подвергается критике во многих направлениях философии, гуманитарных и социальных науках. В этих направлениях и науках сегодня сложились два разных подхода — «естественнонаучный» и «гуманитарный», причем в последние десятилетия наблюдается постепенное вытеснение первого вторым. Даже в самом естествознании (в областях микро- и макромира) все чаще отмечаются прецеденты гуманитарного мышления и подхода.

В типологическом отношении можно говорить о трех основных, равноценных идеалах науки — «античном», «естественнонаучном» и «гуманитарном», причем первый сложился в античной культуре, второй — в XVIII, начале XIX веков, третий — в первой половине XX столетия. В настоящее время формируется еще один идеал науки, его можно назвать «социальным» (в связи с этим, например, Вольф Лепенис предлагает ввести понятие «третьей, социальной культуры», наряду с технической и гуманитарной). Если для первого идеала образцами выступили античные науки («Начала» Евклида, «Физика» Аристотеля, работы Архимеда), то для второго — естественные науки (прежде всего физика Галилея и Ньютона), а также математика Нового времени, для третьего — гуманитарные науки (история, литературоведение, гуманитарно ориентированные психология, языкознание), наконец, для формирующегося идеала социальных наук образцами выступают некоторые социальные и общественные науки (отдельные экономические теории, понимающая социология, гуманитарная культурология).

Хотя все эти идеалы науки специфичны и различны, они содержат (задают) единое «генетическое ядро» (инвариант), которое сложилось в античной философии и науке и далее постоянно уточнялось. Это ядро включает в себя: **установку на познание явлений; выделение определенной области изучения (научного предмета); построение**

идеальных объектов и фиксирующих их научных понятий; сведение более сложных явлений, принадлежащих области изучения, к более простым, фактически же к сконструированным идеальным объектам; получение теоретических знаний об идеальных объектах в процедурах доказательства; построение теории, что предполагает, с одной стороны, разрешение проблем, выделенных относительно области изучения, с другой — «снятие» эмпирических знаний (они должны быть переформулированы, отнесены к идеальным объектам и затем получены в доказательстве), с третьей — обоснование всего построения (то есть системы теоретических знаний, идеальных объектов и понятий) в соответствии с принятыми в данное время критериями строгости и научности².

В античной культуре, где это ядро сложилось, цель науки понималась как получение с помощью доказательств истинных знаний о подлинной реальности (родах сущего, бытии). Для этого эмпирическая реальность описывалась с помощью категорий, а эмпирические знания относились к сконструированным идеальным объектам и затем (уже как теоретические знания) доказывались.

В естествознании Нового времени цели науки меняются: помимо получения истинных знаний о подлинной реальности, которая теперь понимается как природа, на первый план выдвигается практическая задача — овладения силами и энергиями природы. Начиная с работ Галилея, Х.Гюйгенса, Ф.Бэкона, формируется представление о естественной науке, как описывающей законы природы, а сама природа считается «написанной на языке математике и реализуемой в инженерии». Естествонаучный идеал помимо генетического ядра включает в себя экспериментальное обоснование теории и такие процедуры ее развертывания, которые позволяют получить знания, используемые именно в инженерии, где и происходит деятельностное овладение процессами природы. Если в античной науке природа понималась просто как начало, противопоставленное искусственному («Из различных родов изготовления, — пишет Аристотель в «Метафизике», — естественное мы имеем у тех вещей, у которых оно зависит от природы»³), то в Новое время природа фактически понимается как «латентный механизм», строение которого выявляет сначала ученый-естествоиспытатель (создавая теорию), затем собственно инженер, рассчитывая и изготавливая настоящий механизм или машину.

В гуманитарном подходе цели науки снова переосмысляются: помимо познания подлинной реальности, истолковываемой теперь в оппозиции к природе (не природа, а культура, история, духовные феномены и т.п.), ставится задача получить теоретическое объяснение, принципиально учитывающее, во-первых, позицию исследова-

теля, во-вторых, особенности гуманитарной реальности, в частности то обстоятельство, что гуманитарное познание конституирует познаваемый объект, который, в свою очередь, активен по отношению к исследователю. Выражая различные аспекты и интересы культуры (а также разных культур), имея в виду разные типы социализации и культурные практики, исследователи по-разному видят один и тот же эмпирический материал (явление) и поэтому различно истолковывают и объясняют его в гуманитарной науке. Сравним теперь рассмотренные здесь научные подходы (*дискурсы*), добавив к ним и другие, используемые в практике научной работы.

Естественнонаучный дискурс. Его отличительные черты таковы. Естественнонаучный дискурс противопоставлен гуманитарному, это идет еще от оппозиции «наук о природе» и «наук о культуре». Объектом естественнонаучного изучения считаются явления и законы «первой природы». Методологический анализ показывает, что в естественных науках явления природы истолковываются и описываются таким образом, чтобы на основе полученных знаний можно было в инженерной деятельности создать *управляемые технические устройства*. Для этого при построении естественной науки проводится не только логический контроль теоретических построений, что было характерно и для античной науки, но и экспериментальный. В эксперименте естествоиспытатель не только соотносит изучаемое природное явление с теорией (как правило, выполненной в языке математики), но и с помощью технических средств организует это явление таким образом, чтобы оно точно соответствовало описаниям и предсказаниям теории. В результате и становится возможным относительно *природы*, «*написанной на языке математики*» и «*организованной в эксперименте*», рассчитывать, прогнозировать и создавать *управляемые технические устройства*. Как бы ни различались стратегии отдельных представителей естествознания, все они имеют одну цель — так описать и объяснить природные явления, чтобы на этой основе можно было развернуть инженерную практику и создавать управляемые технические изделия.

Гуманитарный дискурс. И он противопоставлен, но естественнонаучному дискурсу. В гуманитарной науке изучаются не явления первой природы, а явления, относящиеся к гуманитарной реальности. Для последней характерны не только другие закономерности, но и *рефлексивные отношения*, то есть здесь исследователь и изучаемое явление принадлежат к одному плану — культуре, духу, сознанию и прочее. В результате гуманитарные знания прямо или опосредованно включаются в изучаемое явление, влияют на него.

Другая особенность гуманитарного познания — *выделение изучаемого объекта с позиции исследователя*, ориентированного на собственное видение проблемы и гуманитарной реальности. Если для естественнонаучного подхода характерна единая точка зрения на природу и возможность использования теоретических знаний, то гуманитарий, как в свое время писал В. Дильтей, обнаруживает в своем объекте изучения «нечто такое, что есть в самом познающем субъекте». Другими словами, для него характер изучаемого объекта и понимание возможностей использования гуманитарных знаний соотносимы с его собственной личностью, идеями, методологией или, как писал М. Вебер, с его ценностями. Следовательно, допускается много разных подходов в изучении, что влечет за собой *разные варианты гуманитарного знания и теорий*, объясняющих «один и тот же эмпирический материал и факты».

В норме гуманитарного ученого интересуют другие, нетехнические области употребления научных знаний, а именно те, которые позволяют понять другого человека, объяснить определенный культурный или духовный феномен (без установки на его улучшение или перевоссоздание), внести новый смысл в определенную область культуры либо деятельности (т.е. задать новый культурный процесс или повлиять на существующий). Во всех этих и сходных с ними случаях гуманитарная наука ориентируется не на инженерию, а на другие, если так можно сказать, гуманитарные виды деятельности и практики (педагогика, критику, политику, художественное творчество, образование, самообразование и т.д.).

Особый случай гуманитарного познания и практики — возможность в реальности формировать объект, соответствующий гуманитарной теории. Например, для ряда психологических гуманитарных теорий в психологической практике были созданы типы психик (клиентов), хорошо описываемые этими теориями. Наиболее известный случай — психоанализ, создавший своего психоаналитического клиента. В рамках этой практики клиенту внушаются именно те знания, схемы и формы поведения, которые отвечают психоаналитической теории. И в том случае, если это удается (что, естественно, получается не так уж часто), человек частично (*только частично*) начинает вести себя в соответствии с теорией. Энтони Гидденс связывает этот феномен с отношением «рефлексивности». «Знание, — пишет он, — на которое претендуют профессиональные исследователи (до некоторой степени и многообразными способами), присоединяется к своему предмету (в принципе, но также, обычно, и на практике) его изменяя. В естественных науках данный процесс не имеет параллелей»⁴.

Социокультурный дискурс. В. Федотова утверждает, что социальные науки должны создавать знания для построения социальных технологий. Вообще социальная действительность такова, что предполагает постоянное свое воссоздание (в работе сознания и деятельности отдельных людей или поколений). Социальные же технологии — это специальные способы воссоздания социальной действительности, и, начиная с «Государства» Платона, социальные науки ставят своей целью продуцирование знаний для их эффективного осуществления. У социальных наук, говорит Федотова, есть еще одна важная функция — критического анализа социальной действительности⁵.

В своих исследованиях я пришел к сходным результатам. Социальная наука относится к гуманитарному типу, специфика социокультурного подхода состоит в двух моментах: *какую именно социальную действительность видит и хочет актуализировать ученый социальных наук*, а также какими собственно средствами (с помощью каких социальных технологий) он рассчитывает решить свою задачу, иначе говоря, *какой тип социального действия он принимает и обеспечивает с помощью своего исследования*. Поясню, что я имею в виду, употребляя понятие «социальная действительность». С одной стороны, это то, что создается (творится) человеком, но с другой — особая природа, «социальная». Обычно, говоря о первой природе, мы в той или иной степени категоризируем материал в естественной модальности. Обычная трактовка естественного плана такова: естественное не предполагает вмешательства деятельности с ее целями и преобразованиями; изменения, вызванные в природном явлении (ими в частном случае может выступить и деятельность) автоматически влекут за собой другие изменения; законы природы схватывают именно эти зависимости автоматических изменений. Но социальная природа устроена совершенно иначе, чем первая природа.

Во-первых, ее явления сложились под воздействием культуры и деятельности, и в этом смысле это артефакты. Как артефакты социальные явления пластичны и могут меняться в значительных пределах. Например, техника или здоровье человека менялись в разных культурах под влиянием культурных и социальных факторов. Человек может прожить в среднем и 30 лет и 70, пользоваться и деревянной палкой рыхлителем и стальным плугом. Сегодня мы говорим, что норма жизни человека должна превышать сто лет, однако что общество будет думать на этот счет через несколько тысяч лет? Как социальное явление здоровье нагружено массой культурных и исторических смыслов, существенно зависит от социальных технологий и об-

раза жизни, не менее существенно, что мы сами определяем границы, и отчасти, особенности своего здоровья⁶. Означает ли сказанное, что здоровье — это произвольная конструкция и мы можем лепить его как хотим? Например, можем ли мы добиться, чтобы человек не болел вообще или не умирал? Думаю, что нет, здоровье хотя пластично и может быть изменено, но все же в определенных пределах, за границами которых это будет уже не здоровье человека, что-то другое.

Во-вторых, социальные явления, с одной стороны, уникальны, а с другой — законосообразны. Уникальны они в том отношении, что являются элементами и составляющими определенной культуры, определенной формы социальной жизни (архаической, античной, средневековой, Нового времени, западной или восточной, российской и прочее). В качестве таких элементов и составляющих социальные структуры отражают в своем строении уникальные проблемы и способы их разрешения, характерные для определенной культуры и времени. Например, в архаической культуре социальные явления сложились в процессе решения определенного круга проблем — организация коллективной охоты, лечение заболевших членов племени, проводы в другой мир умерших, толкование сновидений, рисунков, масок, скульптурных изображений и пр. — причем основной способ организации социальной жизни строился на основе идеи души⁷. Как составляющие архаической культуры социальные явления того времени — уникальны, если они и воспроизводятся в других более поздних культурах, то именно как уникальные образования, не характерные для этих культур.

Законосообразны социальные явления, поскольку удовлетворяют логике формирования различных подсистем социума и культуры. Так, я стараюсь показать, что существует взаимосвязь по меньшей мере девяти основных подсистем — *базисные культурные сценарии (картины мира), социальная структура (институты), хозяйственное обустройство (хозяйство), экономика, власть, общество, сообщества (популяции), образование, личность*. Я выделил девять подсистем, но кто-то, решая другие задачи, может выделить меньшее или большее число. Не исключено, что могут сложиться еще какие-то подсистемы. Важно другое — взаимосвязанность подсистем и процессов, позволяющая истолковывать социальные явления в естественной модальности. И опять же не так, как в естественных науках. «Социальные законы» задают не вечные условия и отношения, а лишь *гипотетические схемы*, которые попадая на новую культурную и социальную почву, стимулируют «рост» новых актуальных условий и зависимостей. Используя эти схемы, специалист прорабатывает и конституирует

рует интересующее его явление. При этом он должен следить, что реально получается из его усилий, какой объект «прорастает», а также удастся ли ему реализовать свои ценности и убеждения.

Практико-ориентированные («диспозитивные») дисциплины. В психологических практиках и педагогике познание складывается иначе, чем в науке. Сначала создаются «диспозитивные схемы», обеспечивающие понимание и конституирование действий, составляющих суть (нововведение) новой практики («диспозитив», буквально «распределение», «структура» — термин М.Фуко). Примером таких схем и практических нововведений является метод гипноза и свободных ассоциаций в ранних работах З.Фрейда или конструирование учебного предмета в работах Я.Коменского, И.Песталоцци, Ф.Фребеля. Затем диспозитивные схемы объективируются относительно идеальной действительности (психики или изменений человека в сфере обучения). В результате диспозитивные схемы удастся истолковать в качестве идеальных объектов, задающих принципиально новые аспекты изучаемого явления (целостности психики или развития человека в обучении). Таким образом, например, были построены фрейдовское представление о трех инстанциях психики (сознательной, предсознательной и бессознательной) и представления о развитии человека и образовании в трудах Коменского, Песталоцци и Фребеля. Дальше познание в практико-ориентированных дисциплинах разворачивается как в рамках новой действительности, заданной идеальными объектами, так и по-прежнему строится под влиянием диспозитивных схем, которые теперь координированы с идеальными объектами.

Обобщение данного подхода позволяет утверждать, что продуктом современного практико-ориентированного мышления является построение дисциплины (я ее называю «диспозитивной»), включающей организованные мыслью знания, понятия, схемы, идеальные объекты. В методологическом отношении сущность явлений задается понятием «диспозитив». Под диспозитивом некоторого явления я понимаю *схему (описание) этого явления как идеального объекта, содержащую отдельные стороны (планы, составляющие) этого объекта, причем такая схема в той или иной степени учитывает анализ дискусов, развернутых по поводу данного явления, позволяет объяснить проблемы, относящиеся к этому явлению, создает возможность воздействия на него.*

Диспозитив задает хотя и целостное, но гетерогенное представление объекта. В модальном отношении этот объект может быть опознан как «объект возможный» (например, возможное образование, воз-

можный человек), поскольку ученый, анализируя дискурсы, проблематизирует ситуацию как неудовлетворительную и имеет намерение воздействовать на интересующее его явление. Строение возможного объекта проясняется, уточняется и конкретизируется (а также пересматривается, если это необходимо) в ходе дальнейших исследований и создании дисциплины, описывающей и объясняющей этот объект. При построении диспозитивной дисциплины диспозитив используется в качестве методологической планкарты, а также конфигулятора возможного объекта.

В функциональном отношении диспозитивная дисциплина ориентирована на решение трех основных задач. Она описывает и позволяет объяснить явление, которое интересует «дисциплинария» (термин С. Попова), например, образования, здоровья, психики, техники и т.п. Может быть использована для социально значимого влияния (воздействия) на данное явление. Наконец, позволяет дисциплинарию при создании этой дисциплины реализовать себя.

Методологический дискурс. Основатель методологической школы в России Г.П. Щедровицкий в одной из своих работ четко определяет признаки понятия методологии. Это работа, предполагающая не только *исследование*, но *создание* новых видов деятельности и мышления; последнее в свою очередь предполагает *критику, проблематизацию, исследование, проектирование, программирование, нормирование*⁸. Создание новых видов деятельности и мышления Щедровицкий мыслит преимущественно как «организацию» и «нормирование» деятельности и мышления; «и этим же, — пишет он, — определяется основная функция методологии: она обслуживает весь универсум человеческой деятельности прежде всего проектами и предписаниями»⁹. Инженерное истолкование методологической работы смыкается у Щедровицкого с оргуправленческим. Методология стала складываться тогда, считает он, когда стала «развертываться полипрофессиональная и полипредметная работа, которая нуждалась в комплексной и системной организации и насаждалась в первую очередь оргуправленческой работой, которая в последние 100 лет становилась все более значимой, а после первой мировой войны стала господствующей»¹⁰.

Вторая особенность методологии — она «стремится соединить и соединяет *знания о деятельности и мышлении со знаниями об объектах этой деятельности и мышления*»¹¹. Такая работа предполагает специальную реконструкцию, где показывается, что объекты, как они представляются нам существующими, являются «подлинными лишь с исторически ограниченной точки зрения», а на самом деле — это организованности деятельности и мышления. Одно из следствий

подобного понимания онтологии состоит в том, что «в методологии *связывание и объединение разных знаний происходит прежде всего не по схемам объекта деятельности, а по схемам самой деятельности*»¹². Третья особенность методологии — «*учет различия и множественности разных позиций деятеля в отношении к объекту*»¹³.

Начиная с середины XX столетия, методологические школы, относящиеся к «частной методологии», складываются в разных дисциплинах (в языкознании, социологии, педагогике, философии науки и т.д.), ставя своей целью интеллектуальное обслуживание и управление мышлением в данных дисциплинах; при этом нет претензий на кардинальную перестройку и включение этих дисциплин в новый методологический органон, как на этом настаивал Г.Щедровицкий. Приведу один пример, правда, относящийся к более позднему времени, — методологические проблемы биологии. В России в 80-х годах сложилась полноценная методологическая дисциплина, представители которой (С.Мейн, Р.Карпинская, А.Любишев, А.Алешин, В.Борзенков, К.Хайлов, Г.Хон, Ю.Шрейдер, И.Лисеев и ряд других), активно обсуждают кризис биологической науки и мышления, анализируют основные парадигмы этой науки, намечают пути преодоления кризиса, предлагают новые идеи и понятия, необходимые для развития биологии¹⁴. Стоит обратить внимание: с одной стороны, никакой «панметодологии», как у Щедровицкого, но с другой — все же недостаточное осознание специфики собственно методологической работы.

Особенностью «частной методологии» является не только неприятие установок панметодологии, но и другое понимание нормативности методологических знаний. Частный методолог понимает себя как действующего в *кооперации с предметником* (ученым, педагогом, проектировщиком и т.д.). Хотя он и предписывает ему, как мыслить и действовать, но не потому, что знает подлинную реальность, а в качестве специалиста, изучающего и конституирующего мышление, такова его роль в разделении труда. Кроме того, он апеллирует к *опыту мышления*: ведь действительно, мышление становится более эффективным, если осуществляется критика и рефлексия, используются знания о мышлении, если методолог вместе с предметником конституирует мышление. Частный методолог использует весь арсенал методологических средств и методов, понимая свою работу как *обслуживание специалистов-предметников*, то есть он не только говорит им, как мыслить и действовать в ситуациях кризиса, но и ориентируется на их запросы, в той или иной степени учитывает их видение реальности и проблем, ведет с ними равноправный диалог.

Для методолога мышление — основная реальность, его цель — создание условий для развития мышления, любых видов мышления: научного, инженерного, художественного, методологического и т.д. Если философия ориентирована на решение современных экзистенциальных проблем и дилемм, на философско-понимаемое спасение и искупление¹⁵, то методология — на развитие деятельности, понимаемое в значительной мере в технологическом ключе. Ценности и смыслы, стоящие за подобным технологическим подходом, как правило, больше ориентированы на ту же технологию и воспроизводство Социума, чем на отдельного человека с его частными (что не отменяет их экзистенциальности) жизненными проблемами.

На мой взгляд, сегодня необходимо говорить также о формировании третьего направления методологии, которое можно назвать «методологией с ограниченной ответственностью». С одной стороны, методология с ограниченной ответственностью — это нормальная методология, в том смысле, что она ориентирована на методологическое управление мышлением в ситуациях разрыва или дисциплинарного кризиса. Последнее предполагает рефлекссию мышления (предметного и методологического), исследование мышления, критику неэффективных форм мышления, распремечивание понятий и других интеллектуальных построений, конституирование новых форм мышления (сюда, например, относятся проблематизация, планирование, программирование, проектирование, конфигурирование, построение диспозитивов и другие), отслеживание результатов методологической деятельности и коррекция методологических программ. С другой стороны, методология с ограниченной ответственностью старается опосредовать свои действия знанием природы мышления и пониманием собственных границ.

Основные виды нормальных научных работ

Объяснение в теории определенного явления. Это, пожалуй, наиболее типичная и стандартная научная задача. Есть некоторая теория (например, теория деятельности А.Н.Леонтьева или педагогическая концепция В.В.Давыдова), и необходимо в ней описать (теоретически осмыслить) новый интересующий исследователя феномен (скажем, особенности восприятия детьми телевизионных мультиков). Этот феномен существует в эмпирическом слое (то есть, это феномен практики). Чтобы его ввести в теорию, как правило, сначала феномен *проблематизируется*. Например, обсуждаются такие проблемы, как влияние мультиков на художественное видение детей, ори-

ентация сознания на определенные, обычно иллюзорные способы решения проблем и ситуации, блокирование традиционных (чтение, слушание радио и т.п.) форм восприятия и другие.

Затем уже под углом данных проблем феномен *схематизируется*, описывается. В результате он переводится в форму *эмпирических знаний* (эмпирических закономерностей). Например, фиксируются и систематизируются наблюдаемые в практике или в специальных экспериментах особенности детского восприятия мультиков.

Следующий шаг — построение идеального объекта, который, с одной стороны, может быть истолкован как теоретическое представление схематизированного феномена, а с другой — как удовлетворяющий принципам выбранной теории (восприятие мультиков представлено по Леонтьеву как деятельность или ее составляющие; по Давыдову — как этап умственного развития ребенка под влиянием телевизионных образцов деятельности).

Чтобы ввести построенный идеальный объект в теорию (при этом он часто уточняется и перестраивается), необходимы специальные рассуждения и процедуры сведения, включающие иногда построение новых схем. Параллельно исследователь теоретически объясняет выделенный феномен и снимает относящиеся к нему проблемы. Именно построение и введение идеального объекта в теорию Т.Кун называет разрешением головоломок.

Монодисциплинарное и комплексное прикладное исследование. В данном случае для решения поставленной дисциплинарной практической задачи используется определенная существующая теория. Например, чтобы объяснить, почему при восприятии мультиков происходит блокирование традиционных способов восприятия и что нужно делать для снятия этой блокировки, можно обратиться к известной теории установки Д.Н.Узнадзе.

Чтобы решить монодисциплинарную прикладную задачу, сначала необходимо в выбранной теории создать теоретическое представление, описывающее интересующее дисциплинария явление (то есть объяснить в теории установки факт блокирования традиционных форм восприятия и описать механизмы блокирования). По характеру эта часть научного исследования относится к предыдущему типу, но имеет одну особенность. Так как исследование здесь нацелено на решение прикладной задачи, проблематизация и идеальный объект строятся так, чтобы обеспечить это решение.

Затем на основе построенного идеального объекта и опирающихся на него теоретических объяснений дисциплинарий создает схемы и представления, которые используются непосредственно для реше-

ния прикладной задачи (то есть он разрабатывает практические рекомендации, призванные снизить или совсем снять блокирование при восприятии мультиков традиционных способов восприятия).

В случае комплексного прикладного исследования дисциплинарий обращается к нескольким теоретическим дисциплинам и поэтому вынужден интегрировать (конфигурировать) заимствованные из них теоретические представления. Для этого он строит диапозитивные схемы (конфигураторы), которые объективируются и истолковываются как изображения новой идеальной действительности (собственно, таким образом были получены многие психологические и педагогические понятия — деятельности, установки, гештальта, образования, дисциплины, содержания обучения и другие).

Построение новой теории (концепции, науки). Если иметь в виду стандартные традиционные научные работы, то построение новой теоретической концепции или теории — тоже достаточно распространенный тип работы. Начинается эта работа нередко с критики существующих, неудовлетворительных теорий и концепций, а также методологической проблематизации, что отмечают многие философы науки. Примером такой критики и проблематизации в психологии является известная статья Л.С.Выготского 1927 г. «Исторический смысл психологического кризиса (методологическое исследование)», где он оценивает как неудовлетворительные существующие психологические концепции (психоанализа, гештальтпсихологии, рефлексологии, персонализма), а также идеалы науки и методологию, которые используют психологи.

Следующий шаг — формулирование нового подхода и методологии изучения, на основе которых дальше формируются предмет и объект изучения. Так, с точки зрения Выготского «общая психология» (так он называет новую науку, которую необходимо построить) должна создаваться в рамках идеала и методологии естественной науки и изучать наиболее общие черты и законы психологической действительности¹⁶.

Формирование предмета и объекта изучения позволяет перейти к построению идеальных объектов и дальше новой теории. Действительно, реализуя программу, намеченную Выготским, А.Н.Леонтьев строит теорию деятельности, следуя классическим образцам научного исследования: конструирует исходные идеальные объекты, сводит к ним остальные случаи, описывает в теории феномены, образующие заданный предмет, разрешает сформулированные на первом шаге проблемы. Процесс построения и разворачивания теории включает в себя также анализ контрпримеров (см. работы И.Лакатоса) и обоснование теории.

Поскольку, как выше отмечалось, можно говорить по меньшей мере о четырех идеалах научного познания (*античном, естественнонаучном, гуманитарном и социальном*), структура работы для разных видов наук существенно различается. Если ученый ориентируется на первый идеал, он стремится в теории разрешить сформулированные им проблемы и теоретически описать феномены, образующие сформированный предмет, и только. Реализуя идеал естественной науки, он вынужден экспериментально подтверждать свои теоретические построения и ориентировать их на технические приложения (прогнозирование изучаемых явлений и управление ими). «Не Шекспир в понятиях, как для Дильтея, — пишет Выготский в упомянутой статье, — но психотехника — в одном слове, то есть научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением»¹⁷. Разделяя идеал гуманитарной науки, ученый стремится, во-первых, реализовать свое видение действительности, во-вторых, так объяснить эту действительность, чтобы в ней нашлось место для него самого и другого человека. При этом ученый-гуманитарий не должен экспериментально подтверждать свои теоретические построения. Наконец, ученый, разделяющий идеал социальной науки, должен быть озабочен построением такой теории, которая бы отвечала пониманию этим исследователем характера социального действия и природы социальной действительности. Особый случай образует сочетание отдельных подходов, например, ряд крупных ученых искусно скрещивали естественнонаучный и гуманитарный подходы¹⁸.

Обратим внимание, что в качестве самостоятельного научного исследования может выступить не целиком весь указанный здесь состав работ, а какая-нибудь одна ее часть, например, методологическая проблематизация и критика, или экспериментальное обоснование теории, или построение нового идеального объекта, или обоснование теории, или разрешение контрпримеров и т.д. Это связано с тем, что каждая такая часть общей работы может потребовать значительных интеллектуальных усилий и организации и, кроме того, в определенной мере методически отрефлексирована.

Оптимизация (совершенствование) существующих практик. Подобная оптимизация или совершенствование осуществляются на основе определенных теоретических представлений и схем, которые еще нужно построить. Первый этап работы состоит в проблематизации и формулировании требований к сложившейся практике, например, педагогической или психологической. В результате ставится задача оптимизации или совершенствования данной практики. На втором

этапе происходит поиск подхода или теоретической дисциплины, которые бы обеспечили формирование представлений, обещающих решение поставленной задачи оптимизации или совершенствования. Часто для ее решения существующие теории необходимо развернуть, например, объяснить в них определенные феномены. Другой вариант — построение диспозитивных (конфигурирующих) схем, с помощью которых объединяются представления нескольких теоретических дисциплин. На третьем этапе на основе нащупанных теоретических представлений и диспозитивных схем вырабатываются рекомендации, позволяющие оптимизировать или совершенствовать существующую практику. Как известно, в педагогических и психологических диссертациях указанный тип работ научной работы встречается довольно часто.

Конституирование новой практики. Только на первый взгляд — это задача, относящаяся к практической деятельности. Чтобы конституировать новую практику (например, педагогическую или психологическую), необходимы методологические и теоретические соображения и представления. Как правило, становлению новой практики предшествует определенный опыт нововведений. Например, предпосылкой психоанализа выступал опыт работы с пациентами, накопленный в работе И.Брейера и З.Фрейда. Становлению большинства педагогических теорий — новый опыт преподавания.

Рефлексия и описание накопленного опыта позволяет выделить исходные диспозитивные схемы и теоретические представления. Для Фрейда это были представления о «подавленных», «защемленных», «противоположных» аффектах, а также «гипноидных» состояниях души. В педагогике это целая серия представлений: о содержании и целях обучения, последовательности подачи этих содержаний, о роли обучения в развитии учащегося, самом характере этого развития, взаимоотношениях учителя с учениками и другие.

На основе исходных диспозитивных схем и представлений дисциплинарий (то есть тот, кто конституирует новую практику) создает идеальные объекты и строит диспозитив возможного объекта. При этом он, как отмечалось выше, должен ориентироваться на проблемы и дискурсы, отрефлексированные и сформулированные в данной области деятельности (практике). Иначе говоря, анализ проблем и дискурсов — второе (первое — опыт нововведений) необходимое условие конституирования новых практик. При построении диспозитива возможного явления дисциплинарий конфигурирует не только представления разных теоретических дисциплин, но и основные стратегии социального действия.

Если говорить об упаковке и предъявлении научной работы, то помимо уже известных, ставших в значительной мере формальными, моментов (указание на проблему, задачи, методы, новизну, внедрение) нужно отметить следующее. В настоящее время важно не только успешно провести научную работу, но и публично продемонстрировать реальный способ ее решения, а также соотнести свой подход с существующими в научной культуре. В свою очередь для этого нужно и то и другое отразить и изложить для читателя и других оппонентов в понятной форме. К сожалению, культура осознания собственного подхода и работы пока еще не стала нормой научной работы.

Специфической особенностью современной научной работы является кооперация ученого и дисциплинарца с методологом и организатором (нередко все эти фигуры, как в случае с Л.С.Выготским, совмещаются в одном лице). Методолог помогает специалисту осуществлять правильную проблематизацию, анализирует его средства и методы работы, помогает наметить новые способы мышления и деятельности. Организатор научной работы структурирует ее так, чтобы работа могла быть осуществлена в намеченные сроки и качественно. Кооперация специалиста с философом осуществляется только в точках экзистенциального или культурного кризиса, что, впрочем, характерно для нашего тревожного времени глобальных кризисов, перемен и реформ.

В заключение отметим, что предложенная здесь классификация и характеристика видов нормальных научных работ является идеально типической (по М.Веберу), то есть скорее методом и схемой анализа, чем изображением конкретных видов научного исследования.

Примечания

- ¹ *Кун Т.* Логика открытия или психология исследования? // *Философия науки.* Вып. 3. М., 1997. С. 24–25.
- ² *Розин В.М.* Типы и дискурсы научного мышления. М., 2000; *Степин В.С.* Становление научной теории. М., 1976.
- ³ *Аристотель.* Метафизика. М.—Л., 1934. С. 82.
- ⁴ *Гидденс Э.* Последствия модернити // *Новая индустриальная волна на Западе.* М., 1999. С. 109.
- ⁵ *Федотова В.Г.* Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук // *Анархия и порядок.* М., 2000. С. 133.
- ⁶ *Розин В.М.* Здоровье как социально-философская и психологическая проблема // *Мир психологии.* 2000. № 1.
- ⁷ *Розин В.М.* Культурология. М., 1998, 1999, 2000, 2001, 2002.
- ⁸ *Щедровицкий Г.П.* Принципы и общая схема методологической организации системоструктурных исследований и разработок // *Щедровицкий Г.П.* Избр. труды. М., 1995. С. 95–96.
- ⁹ Там же. С. 95.
- ¹⁰ *Щедровицкий Г.П.* Методологический смысл оппозиции натуралистического и деятельностного подходов // Там же. С. 149.
- ¹¹ *Щедровицкий Г.П.* Принципы и общая схема методологической организации системоструктурных исследований и разработок. С. 97.
- ¹² Там же. С. 99.
- ¹³ Там же. С. 98.
- ¹⁴ *Методология в биологии: новые идеи (синергетика, семиотика, коэволюция).* М., 2001.
- ¹⁵ *Межуев В.М.* Философия — это суть европейской культуры // *Филос. науки.* 2000. № 1.
- ¹⁶ *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. I. М., 1981.
- ¹⁷ Там же. С. 389.
- ¹⁸ *Розин В.М.* Типы и дискурсы научного мышления. М., 2000.